

сергей примаченко

ШАГИ

в ночи

18+

Сергей Примаченко

Шаги в ночи

<https://litres.ru/74197588>

SelfPub; 2026

Аннотация

В столице, где власть дорожит репутацией больше, чем жизнями подданных, начинают бесследно исчезать дети. Сначала пропадают беспризорники — о них молчат. Потом исчезает дочь канцлера — и город замирает в притворном спокойствии.

Молодой советник Каспер и дочь архивариуса Мира оказываются единственными, кто готов бросить вызов тьме, плетущей свои сети прямо под каменными сводами столицы. Их оружие — не только клинок и алхимия, но и знание: в пыльных фолиантах прадеда Миры спрятан ключ к тайне, способной разрушить ритуал, пожирающий души.

«Шаги в ночи»: когда тишина становится громче крика, а один шаг в темноту может спасти целый город.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Примаченко

Шаги в ночи

Глава 1

Вечер в гостиной Марты, молоденькой графини де Верн, густел вместе с сумерками за окнами, наливаясь тяжёлой синевой. Он пах горячим воском догорающих свечей, сладковатой помадой для волос и едва уловимым ароматом осенних яблок — кухарка пекла их с корицей к завтраку, но запах просочился сквозь стены, напоминая о домашнем уюте. Здесь, под защитой дворцовой стражи и древних стен, казалось невозможным что-либо потерять. Тем более — человека.

Адель стояла у двери, то и дело прижимая спиной холодный косяк, чтобы хоть немного перевести дух. Новые туфли цвета слоновой кости немилосердно стёрли пятку, но она лишь выше вздёргивала подбородок. Уходить отчаянно не хотелось — веселье было в самом разгаре: кто-то из подружек уже настраивал лютню, обещая спеть балладу о морском призраке, но вся эта суматоха вдруг стала слишком утомительной. Свечи трещали, роняя воск прямо на серебряные подсвечники. Их запах кружил голову, заставляя веки предательски слипаться, но спать сейчас казалось настоящим пре-

ступлением.

— Оставайся, ну пожалуйста! — протянула Марта, зарываясь лицом в гору атласных подушек дивана. Её золотистые локоны растрепались, превратившись в воронье гнездо. — Посмотри, как темно и страшно там, на улице. Не хочешь? Давай я попрошу нашего Пьера проводить тебя.

Адель отмахнулась, неловко поправляя капюшон тяжёлого бархатного плаща. Движение вышло резким, выдавая нетерпение оказаться наконец в своей постели, где можно будет спрятать горящие румяные щёки под одеялом.

— Я дойду сама, тут всего три квартала. Путь выучен до каждого камня — я столько раз ходила этой дорогой! К тому же Пьер нужен вам здесь. Кто будет вам подыгрывать, как не старый слуга? Не сердись, увидимся завтра после полудня!

Она послала воздушный поцелуй, увернулась от попытки Марты обнять её на прощание и выскользнула в прохладный холл. Тяжёлая дубовая дверь закрылась за ней, отрезая звуки музыки, смех и тепло.

Улица встретила Адель привычным городским гулом, который сейчас казался ленивым и сытым. Из-за поворота тянуло запахом свежего хлеба из круглосуточной пекарни мэтра Жюля — там всегда работали по ночам, чтобы к рассвету столица получила свои румяные булки. Где-то вдалеке, ближе к портовым докам, пьяно и весело горланили завсегдатаи таверны «Хмельная русалка». Жизнь огромного организма под названием Столичная ночь продолжалась, пере-

варивая тысячи судеб. Фонари горели ровно, заливая мокрую брусчатку тёплым янтарным светом. Их масляное дышание поднималось вверх сизыми струйками, смешиваясь с туманом. Адель шла быстро, почти пританцовывая, придерживая полы плаща. Она мысленно считала шаги: поворот у часовой мастерской старого Исаака, арка гильдии ювелиров, переулок Трёх Фонтанов... Ещё десять минут, горячий травяной чай и блаженное забытие.

Она свернула в переулок Трёх Фонтанов. Днём здесь всегда шумно: торговцы птицей перекрикивают точильщиков ножей, а вода с весёлым плеском бьёт в каменные чаши. Но к ночи переулок вымирал. Лишь одинокий кот метнулся через дорогу, блеснув зелёными глазищами.

А потом город выдохнул.

Смех оборвался разом, словно невидимый великан прошёлся гигантскими ножницами по нитям звука. Шум колёс экипажа, цокот копыт, далёкий окрик ночного сторожа — всё исчезло в одну секунду. Воздух стал плотным, вязким, тяжёлым, как мокрое шерстяное одеяло, брошенное на голову. Затем он начал стремительно холодеть. Это был не обычный ночной холод поздней осени, несущий свежесть дождей. Это был мёртвый, сковывающий лёд, который рождается внутри камня глубоких подземелий, куда никогда не заглядывает солнце. Лёд, вымораживающий саму память о тепле.

Адель остановилась, инстинктивно обхватив себя руками.

Тонкая ткань плаща оказалась жалкой преградой. По телу пробежала волна мурашек, кожа мгновенно пошла гусиной рябью. Зубы предательски клацнули друг о друга. Ей показалось, что температура упала градусов на двадцать за одно биение сердца.

Фонари впереди мигнули. Сначала неуверенно, трепеща на ветру, которого не было. Жёлтый язычок пламени изогнулся, вытянулся тонкой нитью и погас. Следом за ним умер второй. Третий. Четвёртый. Они гасли не по очереди, передавая эстафету тьмы вдоль улицы. Они потухли все разом, синхронно, будто кто-то гигантский одним мощным, беззвучным вздохом задул их изнутри. Переулок погрузился в абсолютную, звенящую темноту. Исчезли очертания стен, пропал свет окон второго этажа, скрылись булыжники под ногами. Мир сжался до размеров вытянутой руки.

Адель остановилась. Сердце замерло, а затем заколотилось где-то в горле, отдаваясь пульсацией в висках. Паника была холодной и острой, как осколок стекла. Разум кричал, что нужно бежать назад, к перекрёстку, к спасительному фонарю у лавки аптекаря, откуда ещё минуту назад доносились звуки жизни. Ноги сделали шаг сами по себе, разворачивая тело прочь от чёрной пасти переулка. Но ступни вдруг стали ватными, чужими, приросшими к земле. Позади неё, там, где секунду назад была лишь глухая шершавая стена склада, увитая сухим плющом, скользнула тень.

У неё не было хозяина — ни прохожего, спешащего до-

мой, ни кареты, запряжённой вороными конями. Просто кусок густой, антрацитовый черноты, имеющий форму человеческого силуэта, лишённый лица. Тень метнулась вперёд быстрее порыва ветра, перетекая по стене бесшумной жидкостью.

Воздух перед Адель стал ледяным настолько, что обжёг лёгкие при попытке вдохнуть. Каждый глоток этого мрака царапал горло изнутри миллионами иголок. И тогда она почувствовала рывок. Не физический, нет — никто грубый и сильный не хватал её за плечи, не зажимал рот вонючей тряпкой. Её саму, всю целиком, со всеми кружевами, страхами и недосказанными словами, потянуло вперёд, навстречу клубящейся тьме. Потянуло так властно и неумолимо, как железную стружку тянет к огромному магниту в кузнице мастера.

Мир накренился. Фонарный столб поплыл вбок, хотя стоял неподвижно. Запах печёного хлеба исчез без следа, сменившись озоном, пылью старых склепов и странным металлическим привкусом крови во рту. Темнота стала осязаемой. Она лезла в нос, забивала уши мягким войлоком, давила на глазные яблоки. Адель попыталась закричать, позвать на помощь хоть кого-нибудь, но звук застрял в груди. Рот открывался в беззвучном вопле ужаса. Девушка, которая пять минут назад смеялась над шутками подруг, растворилась в ночи, не оставив после себя даже вскрика.

Городской бродяжка по кличке Ржавый скорчился в лю-

ке, прижавшись всем телом к тёплой чугунной трубе парового отопления. От трубы шло влажное, живое тепло, которое медленно, но верно отогревало его вечно замёрзшие рёбра. Октябрь в столице жаден до детского тепла. Ржавый кутался в рваное лоскутное одеяло, которое нашёл вчера на помойке за королевской прачечной, и жевал сухую хлебную корку, найденную там же.

Он видел такое дважды за эту осень. Первый раз он решил, что ему мерещится от голода и дешёвого самогона, которым угостил старый грузчик. Второй раз списал на игру света от газового фонаря. Но сегодня зрение его не подвело, да и желудок был относительно сыт.

По противоположной стене старого купеческого особняка, мимо выбитых окон которого гулял сквозняк, скользнула тень. Только это была не обычная тень от проезжающей кареты или идущего патруля. Она повторяла движение девушки — той самой, которая минуту назад прошла в проулочек. Дёрганое, ломаное движение маленьких рук, пытающихся удержать равновесие... А потом тень беззвучно втянулась в камень стены, растворилась в старой штукатурке, словно её никогда и не существовало. Девушка не вышла с другой стороны.

Ржавый зажмурился до цветных пятен, вспыхнувших под веками, натянул вонючее одеяло на самую макушку и забормотал посиневшими губами: «Не смотри, дурак, глаза отведи, отвернись, пока оно не запомнило твоё лицо. Замри.

Стань камнем. Камни его не интересуют».

Мира сидела на широком подоконнике в кабинете отца, подтянув колени к самому подбородку и обхватив их тонкими, бледными руками. Старый архивариус Элдер давно спал внизу, в гостиной, над своими пыльными фолиантами, подложив под щёку ладонь. Дом дышал тишиной, нарушаемой лишь мерным тиканьем напольных часов да редким поскрипыванием рассохшегося паркета. Мира смотрела во внутренний двор, вымощенный старым щербатым камнем, по которому ползли причудливые тени облаков. Дождя не было, ветер тоже улёгся несколько часов назад, запутавшись в кронах лип, но она слышала шаги.

Торопливые, частые-частые, дробные удары маленьких подошв по мостовой. Цок-цок-цок. Прямо под её окном.

Сначала ей показалось, что вернулся запоздалый посыльный или загулявший подмастерье. Потом мозг услужливо предложил версию про капли воды — они могли стекать с крыши на жестяной жёлоб особым ритмом. Но этот ритм был слишком ровным для капель и слишком тяжёлым, частым для взрослого человека, спокойно идущего домой к тёплому очагу. Это был бег. Кто-то маленький, очень лёгкий, бежал изо всех сил, разбивая ночную тишину вдребезги, захлёбываясь собственным топотом, хотя улица оставалась абсолютно пустой. Мира выглянула во тьму. Ни души. Только голые ветви деревьев качаются от невидимого дыхания земли.

Страх холодной стальной иглой кольнул под рёбра, заста-

вив резко втянуть воздух сквозь сцепленные зубы. Дар, проклятие, странность — как ни назови эту свою особенность, Мира ненавидела эти звуки всей душой. Они вторгались в её жизнь без спроса, насильно раскрывая то, что должно быть скрыто. Ей хотелось распахнуть створки окна и крикнуть в непроглядную мглу, затопить улицу своим голосом, чтобы прекратить этот невозможный, сводящий с ума детский топот. Но тело отказывалось двигаться. Оно знало правила игры лучше разума. Если выйти сейчас, если нарушить границу тёплого дома, то увидишь лишь мёртвую пустоту, а шаги будут звучать уже со стороны высокой кладбищенской ограды. Или раздаваться прямо у тебя за спиной.

Шаги удалялись, сворачивая куда-то влево, в сторону Старого тракта и разрушенной сторожевой башни, торчащей гнилым зубом на горизонте. Мира слушала их затихающее эхо, вцепившись пальцами в деревянную раму так сильно, что побелели костяшки, а ногти оставили вмятины на старом лаке. Когда звук окончательно растворился в густом предрассветном тумане, поглотившем даже самый дальний отклик, комната показалась ей оглушающе тихой. Давление на перепонки стало невыносимым. Она опустила горячую голову на колени и прошептала в складки своего домашнего фланелевого платья, зная, что самым страшным образом лжёт самой себе:

— Завтра я пойду следом. Если они будут снова. Обещаю, я пойду.

Утро принесло во дворец канцлера панику, которая имела вполне конкретный, тошнотворный запах — смесь мятных капель, валерианы и свежей типографской краски. Печатники экстренного выпуска вечерних газет едва успели остановить станки, получив приказ свыше уничтожить весь тираж первой полосы. Новость о пропаже дочери второго лица государства могла обрушить биржи и вызвать народные волнения. Каспера вызвали к канцлеру через чёрный ход, минуя пышные приёмные залы, золочёные зеркала и гвардейцев в парадной форме. Его провели узкими служебными коридорами для прислуги, где пахло жареным луком и хлоркой.

Старик ждал его в малой библиотеке. Он стоял у холодного камина, глядя на серую, невесомую золу сгоревших за ночь дров. Его руки, сжимавшие край тяжёлой мраморной полки, мелко дрожали. Морщины вокруг рта, обычно жёстко очерченные волей, теперь казались глубокими трещинами в пересохшей земле. Он выглядел старше сразу на десять лет.

— Никто не должен знать, — сказал он тихо, почти шёпотом. Голос, привыкший перекрывать шум королевских советов и перекрикивать раскаты грома, сел до сипа, до болезненного хрипа. — Никому ни слова. Официально девочка погостит у родственников в провинции. Найди её. Тихо.

Каспер молча кивнул, принимая тяжесть этих слов. Он смотрел на сломленного горем политика и понимал: канцлер боится не только за дочь. Он боится краха своей карьеры, сплетен врагов и того, что его слабостью тут же воспользуют-

ся многочисленные завистники и дворцовые прихлебатели.

Глава 2

Кабинет канцлера пропах тревогой. Она висела в воздухе сизым, невидимым дымом от незажжённых свечей, оседая на тяжёлом бархате портьер горьким привкусом во рту. Пахло старыми бумагами, сухим пергаментом и остывшим кофе — напитком людей, которые слишком долго бодрствовали этой ночью. Канцлер сидел за массивным дубовым столом, заваленным документами. Бумаг утром стало вдвое больше обычного: рапорты городской стражи, списки патрулей, докладные записки сыщиков тайной канцелярии, донесения осведомителей из портовых трущоб. Все они гласили одно и то же, словно заговорщики, выучившие текст по одной шпаргалке: городская стража удвоена, на улицах тишина, никаких признаков нападения не было.

— Недоразумение, — произнёс канцлер, обращаясь скорее к чёрному провалу холодного камина, чем к живому человеку перед собой. Его голос звучал глухо, пробиваясь сквозь плотную маску усталости. — Девушки её возраста импульсивны. Первая любовь, глупые письма, юношеский бунт... Мы найдём её через пару дней где-нибудь в поместье у троюродной тётушки, о которой забыли упомянуть. Главное сейчас — не допустить слухов. Если столичные кумушки пронюхают, начнётся паника.

— Ваша дочь никогда не покидала гостей без предупре-

ждения, господин канцлер, — мягко, но непреклонно возразил Каспер, делая шаг ближе к столу. Он старался говорить ровно, успокаивающе, как говорят с напуганными животными. — И я знаю Адель. Она любит комфорт. Не могу представить её в каком-то отдалённом поместье.

Канцлер поднял на него большие, красные глаза человека, который не спал уже вторые сутки. В них плескался чистый, незамутнённый ужас. Он боялся не только за Адель. Он боялся того, что скажут в Совете Старейшин, если узнают, что наследница великого рода, будущая жена возможного претендента на престол, пропала бесследно прямо из-под носа дворцовой охраны. Это пахло не просто скандалом. Это пахло отставками.

Каспер покинул дворец спустя час, получив бумагу с личной печатью канцлера — разрешение на доступ к любым протоколам городской стражи и тайным архивам. Официально он искал следы борьбы, свидетельства похищения маньяком. Неофициально — любую несостыковку, любое отклонение от нормы, которое можно измерить, потрогать или записать.

Он начал с перекрёстка Трёх Фонтанов. Место исчезновения встретило его запахом мокрой пыли и озона, какой бывает после грозы, хотя небо всю последнюю неделю оставалось ясным. Каспер прошёлся вдоль стены склада, внимательно глядя себе под ноги. Никаких брошенных вещей, никаких капель крови, никаких вырванных пуговиц. Камни мостовой

лежали плотно, вековая грязь въелась намертво. Свидетелей не было — район затихает здесь рано.

Зато старый фонарщик, тушивший последние огни утренней смены, оказался куда разговорчивее жандармов. Маленький, сгорбленный человечек в огромном клеёнчатом плаще грел руки над переносной жаровней.

— Господин хороший советник, — проскрипел он, подозрительно косясь на форму Каспера. — Я эти фитили своими руками заправлял. Масло чистое, конопляное, залито под самую завязку, стекло протёрто так, что палец скользит. А они взяли... и погасли. Не задохнулись от ветра, не лопнуло стекло от камня. Просто умерли. Все пять штук на этом пятачке. Разом. Будто им кто-то пальцами кислород перекрыл изнутри колбы.

Каспер отпустил старика, всучив серебряную монету, и пошёл пешком через Нижний город, туда, куда советники заглядывали только в закрытых каретах с зашторенными окнами, да и то лишь днём. Столица меняла запах резко и неприятно. Вместо дорогого парфюма и свежей выпечки воздух здесь густел миазмами сырости, дешёвой рыбной похлёбки, выгребных ям и безнадёжности. Он заходил в лавки, пил кислое, водянистое пиво в трактирах «для своих», слушал разговоры грузчиков, прачек и мелких карманников.

Поначалу это были обычные городские сплетни, фоновый шум мегаполиса: старая Нана из Зелёного тупика окончательно выжила из ума и разговаривает с голубями; масте-

вой Кнот ушёл собирать уголь в заброшенный карьер и замёрз насмерть пьяным; крыса размером с собаку утащила младенца в канализацию. Банальные трагедии большого города, переваривающего тысячи жизней ежедневно. Но потом Каспер начал слышать другое.

На Рыбном рынке, среди воняющих рассолом бочек, толстая торговка лососиной жаловалась соседке, энергично жестикулируя красными, распухшими от воды руками:

— Третий день ставлю вторую печь, Марта! Хлеб не поднимается, опара падает камнем. Холод такой стоит в закваске, аж тесто стынет, хоть ножом его режь. И тихо, понимаешь? Вымирает квартал. Кошки ушли все до единой, даже самые ленивые. Крысы носа из-под полов не кажут. Почуяли чего, твари.

В портовом районе, в духоте кабака «Морской дьявол», подмастерье сапожника, размазывая слёзы по чумазому лицу, рассказывал собутыльнику:

— После того как сынок булочника, пухлый такой пацанёнок, сгинул, туман лёг. Три дня лежал, белый, густой, хоть топором руби. Ни солнца, ни звука. Собаки выли так, господи прости, что кровь стыла и стёкла дребезжали. А потом — раз, и солнце вылезло. Чистое небо. Только пацана нет. И тишины той нет. Словно выдохнул кто-то.

Каспер купил старую карту столицы у слепого картографа в уличном закутке — пожелтевший лист плотной бумаги, испещрённый пометками давно забытых владельцев. Возвра-

щаяся в свою тесную квартиру над аптекарской лавкой, окна которой выходили на вечно влажную стену соседнего дома, он расстелил карту прямо на полу, сдвинув стопки непрочитанных книг. Достал грифель. Отметил места исчезновений бедняков. Три точки скучились в ремесленном ряду возле кожевенных мастерских. Одна жирная точка встала у старого порта, рядом с гнилыми сваями причалов. Теперь вот переулок Трёх Фонтанов. Никакой системы. Случайные жертвы хаоса. Если бы не чёртовы фонари, погасшие изнутри стёкол. Если бы не внезапный холод, о котором твердили все — от графини до последней судомойки.

«Если это магия, — подумал Каспер, глядя на пляшущий огонёк единственной свечи, освещавшей карту. Магии официально не существовало уже двести лет, со времён Великой Инквизиции, но наука оставалась наукой. — То она оставляет следы. Физические, химические, пространственные. Городская стража ищет людей. Они смотрят на лица и одежду. Мне нужно искать искажения самой материи этого города. Старые записи тех, кто стерег эти стены сотни лет назад, должны знать правила игры».

Решение пришло ясное и холодное, как тот самый ледяной воздух в переулке. Ему нужны архивы. Настоящие архивы, подземные хранилища Министерства внутренних дел и старые семейные библиотеки, куда пускают только по протекции.

Главный вход в Архивное управление был закрыт на тя-

жёлтый чугунный засов. Каспер обошёл здание кругом, ныряя в узкую щель между старой котельной и складом дров. Здесь пахло гарью, мышами и влажной известкой. Он достал связку отмычек — наследство от университетского прошлого, когда азарт познания толкал его исследовать закрытые башни обсерватории. Замок щёлкнул почти беззвучно. Чёрный ход для поставщиков угля всегда имел самую простую защиту.

Коридоры подвального уровня дышали пылью десятилетий. Каспер шёл медленно, стараясь ступать в такт гудению старых труб парового отопления, чтобы звук его шагов сливался с фоном здания. Наверху, в парадных залах министерства, кипела жизнь: скрипели перья, звенели шпоры курьеров, гулко отдавались команды адъютантов. Здесь, внизу, время остановилось.

Он нашёл нужную секцию — «Фортификации Севера и отчёты сторожевых постов. 17..». Дверь была тяжёлой, обитой железом. Каспер прижался ухом к дереву. Тихо. Только монотонный храп зрителя архива доносился из каптёрки в конце коридора.

Войдя внутрь, Каспер зажёл крошечную масляную лампадку, прикрыв пламя ладонью. Ряды стеллажей уходили во тьму. Воздух здесь был настолько спёртым, что казалось — вдохнёшь чуть глубже, и лёгкие склеятся. Каспер провёл пальцем по корешкам. Пергамент, кожа, грубая бумага. Запах сухой гнили ударил в нос.

Он искал не имена. Он искал аномалии. Любой хороший командир заставы пишет в отчётах не только количество задержанных контрабандистов, но и странности погоды, болезни скота и необъяснимые происшествия. Если граница миров действительно истончается, люди оружия заметили бы это первыми.

Часы на башне мэрии пробили три раза. Глубокая ночь. Каспер перелистывал страницу за страницей, вдыхая пыль веков. Списки фуража, жалобы на ревматизм у караульных, ведомости выдачи пороха. Сухая, мёртвая цифирь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.